

Михаил Соловьев
Во имя Отечества

Михаил Соловьев

Во имя Отечества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17190218

ISBN 9785447448110

Аннотация

История этого романа основана на реальных событиях. Роман описывает жизнь пяти поколений. Их интересы, цели, достижения, любовь и разочарование.

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	15
3	17
4	19
5	22
6	25
7	30
8	36
9	40
10	43
11	50
12	55
13	59
14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Во имя Отечества

Михаил Соловьев

© Михаил Соловьев, 2017

ISBN 978-5-4474-4811-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Михаил Соловьев родился 28 марта 1981 года в Москве, в семье педагогов. Детство и юность прошли в одном из московских дворов. Поэт, писатель, номинант ряда литератур-

ных премий, автор книг: «Книжный червь» и поэтического сборника» Вопреки», с огромной любовью пишет о Родине, истории России, человеческих отношениях... Правда и совесть нашего века.

Фамилия Снигирев представляет собой замечательный памятник славянской письменности и культуры. Роман описывает жизнь пяти поколений. Их интересы, цели, достижения, любовь и разочарование.

Часть первая Есть такая профессия

1

Утром одиннадцатого октября 1922 года золотая осень никак не покидала город Калугу, и с рассветом появилось ослепительное солнце, которое осветило желто-красные листья, висевших до сей поры на верхушках деревьев. Именно этим прекрасным утром в семье Кузьмы Михайловича и Агриппины Алексеевны родился четвертый ребенок. Долгожданного сына окрестили Михаилом. Он рос послушным и ласковым мальчиком, окруженный вниманием своих старших сестер: Ольги, Надежды и Марии. Помогал отцу нарубить дров, наносить воды, починить забор и почистить сарай. Ребенок так хорошо справлялся с домашними обязанностями, что отец порой за ним и не успевал.

– Пап! Отдохни, давай теперь я поколю дрова, а то как-то быстро я поленья разложил.

– Иди пороссятам поесть наложи, а я разберусь с дровами.

– Так просо нужно сначала отварить.

– Я отварил, еда на крыльце остывает, – улыбнулся Миша.

– Ты ее действительно отварил?

– Да!

– Как это у тебя так все складно выходит?

– Я просто купаться хочу очень.

Этим жарким летом 1935-го года, Миша часто бегал с друзьями купаться на речку, которая находилась за пше-

ничным полем вблизи леса. Ребята очень любили эту небольшую речушку, несмотря на то, что находилась она от их домов не так уж и близко. Ближе было озеро, но там нельзя было нырять, а на речке был мост, именно с него друзья и любили прыгать в воду.

И вот после очередного купания, по дороге домой, Димка предложил зайти в лес, который граничил с рекой, чтобы поесть немного черники. Сеня и Миша согласились. Собирая ягоды, друзья не заметили, как зашли слишком далеко вглубь леса и заблудились. Их искали два дня, и нашли только на третий, благодаря Рексу, который быстро взял след и привел родителей к сыновьям. Рекс очень часто играл с Димкой и сильно его любил, поэтому своего хозяина он нашел без труда.

– Андрон Степанович, что же ты Рекса раньше не додумался взять, – произнес Кузьма Михайлович.

– Так растерялся я Кузьма, вот и не додумался! Главное, что мы их нашли и все теперь позади.

Вечером Миша поделился своими впечатлениями с отцом:

– У Сеньки были спички, и как только начало смеркаться, мы решили развести костер, дабы отпугнуть диких животных и одновременно согреться. На следующий день мы заново попытались найти выход из леса, но опять безуспешно. Вот тогда я и предложил сделать из прутьев временное убежище и накрыть его лопухами и находиться в нем до тех

пор, пока нас не отыщут. Так мы и поступили: соорудили шалаш и спали в нем по очереди; один спал, а двое у костра дежурили.

– А почему по двое, – поинтересовался отец.

– Чтобы не так страшно было, – смутившись ответил Миша, и продолжил, – и вот когда мы ночью с Димкой сидели у костра, представляли, что мы солдаты, и только от нас зависит, пройдет враг через этот лес или нет.

– Мы тут себе места не находим, а они солдатами себя возомнили, – выкрикнула мать.

– Мам, да это мы чтобы не страшно было.

– Молодцы что вы не паниковали, а то в панике можно наделать много глупостей, – произнес отец.

– И вот там-то, после всего случившегося, я понял, кем хочу стать, – произнес Миша.

– И кем же? – поинтересовался родитель.

– Военным, – ответил сын.

– Миш, это тяжелая, но достойная профессия, – произнес отец, – и лично я тебя поддерживаю, но помни – это не только профессия, а еще и призвание.

Мать, охнув, села:

– Сынок, да как же так? А отцу кто помогать будет? Глянь, хозяйство у нас какое.

– Ладно, Агриппин, правильное решение Мишка принял, он мужик, а значит должен защищать свою Родину, – вступился отец.

Отец сам был ветераном первой мировой войны, имеющий ни одно ранение: у него не было трех пальцев на правой ноге, и отсутствовала четверть желудка, которую, после попадания пули в брюшную полость, врачам пришлось удалить, чтобы сохранить Кузьме Михайловичу жизнь.

Первый визит в районный комиссариат Михаил нанес осенью 1940-го года, с прошением направить его в какое-нибудь военное училище. Комиссар предложил Тульское артиллерийское училище, и Михаил, не задумываясь, согласился.

Этой новостью Миша поделился с родителями.

– Что ж, ты сделал правильный выбор, только меня беспокоит военная обстановка в Европе: слишком быстро немец продвигается к границам Советского Союза, и я думаю, что нам придется снова помериться с ним силой. Только мощь их армии трудно сегодня сравнивать с силами в первой мировой. Но с другой стороны, отправляться на фронт всегда лучше подготовленным солдатом, а не зеленым юнцом, поэтому мой тебе отцовский совет будет таков: принял решение – действуй! Езжай и учись, а мы с матерью, как-нибудь справимся, тем более у нас есть еще три помощницы.

К весне 1941-го года курсант Снигирев попрощался с родными и отправился в Тульское артиллерийское училище.

Впервые перед курсантами свои двери училище распахнуло 30 мая 1919 года. Приказом Всероссийского Главного штаба, существовавшая с 1869 года Тульская оружейная школа, была преобразована в военно-учебное заведение РК-

КА под названием «Тульские оружейно-технические курсы». А к 1921-му году оружейно-технические курсы были реорганизованы в школу с четырехлетним сроком обучения. А уже к 1937-му году оружейно-техническую школу преобразовали в Тульское оружейно-техническое училище. За годы Великой Отечественной войны училище выпустило более четырех тысяч техников, одним из которых в последствие и стал Михаил.

Через месяц учебы, Миша написал первое письмо домой: «Дорогие родители! В училище мне очень нравится, здесь много хороших ребят со всех уголков нашей Родины. Мы быстро подружились. Кормят отлично, поправился на два килограмма, правда, побрили голову, но так даже лучше, не нужно утром причесываться. Очень вас люблю! Ваш, курсант Советской Армии, Михаил Снигирев».

Учеба курсанту давалась легко: он быстро вникал во все тонкости военного дела, на лекциях не пропускал ни единой фразы, а в свободное время, в основном перед сном, пытался по мере возможности повторить пройденный материал. Часто вступал с преподавателями в дискуссию. Если чего-то недопонимал, обязательно старался уточнить.

Теплым июньским утром 1941 года все курсанты были построены на плацу училища. Они находились в недоумении, никак не могли понять, зачем в воскресный день их подняли в такую рань, и построили всех без исключения. Через несколько минут объявление сделал сам начальник учи-

лица, который ни при каких обстоятельствах не появлялся на построении. Но сегодняшнее объявление он должен был сделать лично. В руках он держал бумагу, которую ему передали из штаба. При чтении текста лицо его было серьезным, а мышцы скул были сильно напряжены, даже невооружённым глазом было видно, что он сильно волнуется.

– Сегодня, 22 июня, в 4 часа утра, без объявления войны наши границы были атакованы немецкими войсками, – начал он отчетливо цитировать, – это не смотря на то, что между Советским Союзом и Германией был заключен договор о ненападении, известный как пакт Молотова – Риббентропа. Вот такое печальное у меня для вас объявление, но вы по-прежнему продолжаете учиться в обычном режиме, до особых распоряжений командования.

«Вот это да, выходит отец был прав: напали на нас немцы», – подумал Михаил.

Учеба в военное время давалась сложнее. Все мысли были о фронте. Ребята, все до единого, думали: «Прохлаждаемся в тылу, пока наши войска на передовой бьют врага». Они не понимали в этот момент одного: армии нужны командиры. Поэтому придется им продолжить обучение, несмотря ни на что.

К середине октября Михаил узнал, что его родной город занят врагом. Он не мог поверить своим ушам: «Как же так? Пока нас в тылу держат, враг ест из наших мисок и спит на наших койках», – думал он. Командиры училища запре-

тили курсантам оккупированных территорий всяческую переписку. Это означало одно: связи с родными больше нет. Тогда он решает подать прошение о переводе в пехоту и отправке его на передовую. Прошение тут же дошло до начальника училища, и он вызывал курсанта к себе:

– Что сынок нервы не выдерживают? Захотелось пороха понюхать? – начал он задавать курсанту вопросы. – Поверь, успеешь. Ты думаешь, я не хочу на передовую? Еще как хочу! Захватчики топчут мою землю, а я вынужден сидеть здесь. Но мы с тобой не дети и должны понимать, что приказ есть приказ. Не переживай сынок, я верю, что Калугу скоро отобьют и с твоими близкими будет все хорошо. Я полистал твое дело и понял зачем ты рапорт подал.

– Но там же мама, отец, сестры.

– Я тебя понимаю сынок, но пойми и ты меня, пехота – не выход в сложившейся ситуации, ты слышал поговорку, что артиллерия бог войны?

– Да, слышал...

– Тогда стань этим самым богом, и покажи врагу всю силу советских войск, чтобы они поняли, и навсегда запомнили, что наша Родина – никому не по зубам! А курс ваш решено ускорить, в связи с военным положением, так что потерпи сынок, повоюем еще!

Михаил вышел из кабинета полковника, но мысли в его голове все были спутаны, с одной стороны он понимал, что полковник прав, а с другой стороны, в Калуге была вся се-

мья.

Так прошел еще почти месяц. На очередном построении командир объявил, что фашисты подходят к Москве. В этот момент курсанты ждали решения о переброске их училища на оборону Москвы, но приказа так и не поступило. На защиту столицы военное командование подтянуло подкрепление из Сибири.

2

Ближе к осени 1941-го года немецкая авиация часто наносила бомбовые удары по Москве, и с наступлением темноты такие налеты только учащались. Фашисты не только бомбили город, но и пытались его поджечь. Для этого они сбрасывали на крыши домов так называемые «зажигалки».

К середине сентября на крышах 2-й Мещанской улицы, появились две школьные подружки, Вера Белкина и Оля Стрельцова. Дома они говорили, что их задерживают на задержаниях, а сами выходили на схватку с врагом и защищали родной город и любимую улицу, от тех самых «зажигалок», сбрасывая их с крыши вниз, чтобы предотвратить пожар:

– Вер, у меня брат сегодня ушел на фронт, теперь мы с мамой остались вдвоем, даже не представляю, как она меня будет ругать, если узнает что я не в укрытии, а на крыше.

– Оль, а папа твой письма еще не присылал?

– Прислал, уже второе. Пишет, что сражаются насмерть.

– А моему папе «бронь» дали.

– Вера, летит! Ты готова?

– Да.

– Да что же Чухнины свет не тушат!?

– Тушите свет! Свет тушите!

– Посыпались... Не жалеют они для нас этой гадости. Давай, твоя правая часть крыши, а моя левая. Вон упала, ви-

дишь?

– Да Оленька вижу, сейчас скину.

– Улетел. Как думаешь, будут еще?

– Думаю, будут.

– Вер, а твой отец почему «бронь» получил?

– Его на оборонную промышленность перевели, поэтому и «бронь» дали.

– Оль, а тебе правда Степка нравится?

– Васильев? Да, нравится, но он на фронт собрался, так что ему пока не до меня, – вздохнув, произнесла Ольга.

– Так ему же нет восемнадцати.

– Я слышала, что он себе возраст как-то прибавил и в военкомате ему поверили. Уже и форму получил.

– Оль, смотри, самолет прожекторы поймали, сейчас сбьют. Сбили, Оля! Он падает! Падает!

– Оля...

– Вера, ложись.

3

Благодаря перегруппировке всех военных частей и прибытию подкрепления из Сибири, под руководством генерала армии Г. К. Жукова войска западного и Юго-западного фронта нанесли сокрушительный удар по силам фашистских захватчиков.

Для измотанного в непрерывных боях, и использовавшего свои последние резервы, врага удар оказался неожиданным. Немецкий фронт не выдержал ряда сильнейших ударов. Бросая технику и вооружения, неся огромные потери, враг стал постепенно отходить.

– Таким образом, в битве под Москвой немецкие войска потеряли около полумиллиона человек, тысячу триста танков, две с половиной тысячи орудий, более пятнадцати тысяч автомашин, – произнес начальник училища, – поздравляю вас, товарищи курсанты!

Это была первая крупная победа советского народа в этой войне. Благодаря наступательной операции наших войск, противник был отброшен на триста километров.

Троекратное «Ура» грянуло из уст всех курсантов. Это объявление было самым лучшим за последнее время. Оно означало не только, что наши войска отбили столицу, но и то, что Калуга тоже отвоёвана и курсант Снигирев, может писать домой. Вечером того же дня было написано долгождан-

ное письмо.

4

К началу июня 1942 года Ольга окончила курсы медицинских сестер и получила форму. Зайдя домой, она громко окрикнула маму:

– Мамуль!

– Я в кухне, – ответила мать.

– Мамуль, ты только не переживай, но я уйду медицинской сестрой на фронт.

– А как же я? Оля, ты обо мне подумала? Вы все от меня хотите уйти? Ну ладно отец и Коля, они мужики, а ты куда собралась?

– Я собралась этих мужиков лечить.

– И куда тебя определили?

– На медицинский поезд по доставке тяжелораненых с места боя в тыл.

– А Верочка?

– Вера остается дома, она продолжит нашу вахту на крыше.

– На какой крыше? Какую вахту? Я тебя не понимаю.

– Мамочка! Мы с Верой сбрасывали фашистские «зажигалки» с крыши нашего и соседнего дома, теперь я отправлюсь на фронт, а Вера останется здесь и будет дежурить одна.

– Оля, почему я об этом слышу впервые?

– Мамочка, ну разве ты позволила бы мне ходить на эту

вахту?

– Конечно, нет, это опасно.

– А сгореть в собственной постели, всем домом, это не опасно? Так что, я тебя очень прошу, не говори ничего Анне Ивановне, пускай Вера ходит на крышу.

– Хорошо, пускай ходит.

Уже к концу июня Ольга принимала первых раненых. Солдаты поступали в крайне тяжелом состоянии. При виде тяжелораненых бойцов у Ольги не выдерживали нервы и она, закрыв лицо руками, не могла сдвинуться с места.

– Что ты встала? Давай грузи его, у нас и так немного времени, – закричала на Ольгу медсестра.

– Простите, я такое вижу впервые, – произнесла Ольга бледнея.

– Ты новенькая?

– Да...

– Первый раз всегда очень тяжело. Самое страшное – это когда только что отошел от человека, с которым разговаривал, а его шальным осколком разорвало напополам. Страшнее этого я еще здесь не встречала.

– Мы долго еще будем стоять? – спросила Ольга.

– Думаю еще минут пятнадцать, пока не началась новая атака, – ответила медицинская сестра.

– Тогда я беру всю свою волю в кулак, и жду ваших указаний, – произнесла Ольга.

– Давай дочка, грузи этого без ноги, и помни, что от тебя

зависит их жизнь, а насчет ранений не переживай, привыкнешь, человек ко всему привыкнуть может – ответила медсестра.

К августу 1942 года немецкая авиация начала наносить бомбовые удары по городу Сталинграду. Немецкие удары были небывалой силы, по данным разведки фашистское командование намеревалось перебросить туда все свои лучшие силы. Не трудно было это понять после первых налетов вражеской авиации. Оборонительные заграждения были развернуты вблизи Дона, туда были переброшены 62-я и 63-я армии, чтобы не пропустить форсирования противника через реку и прорыва его кратчайшим путем к городу. Тем же летом, Постановлением Государственного Комитета Обороны в Куйбышевской области началось формирование 266-й стрелковой дивизии. В ее состав вошли 1006, 1008 и 1010-й стрелковые, 832-й артиллерийские полки, 360-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и другие части.

К тому моменту и до начала 1943-го курсанты, так же как и весь мир, следили за событиями «Сталинградского котла». Они знали, что огромная вражеская сила наступала на город, и то, что перед самым Сталинградским фронтом стояла задача, держать оборону в полосе 500 км и остановить дальнейшее продвижение противника.

К середине октября немцам удалось овладеть Сталинградским тракторным заводом, прорвав 62-ю армию. После этого они начали наступление вдоль берега Волги на юг. Бои

шли за каждый квартал, дом, подвал, за каждый метр земли. В ожесточенных и кровопролитных боях защитники Сталинграда отразили бешеный натиск противника.

В Тульском училище в это время курсанты не пропускали ни единой весточки, и регулярно получали свежую информацию из радиоприемников и лично от своих командиров. В то время училище было приведено в полную боевую готовность, на помощь Сталинградским защитникам, но их помощь опять не понадобилась.

В ночь на 31 января 1943-го года мотострелковая дивизия блокировала район универмага, где находился штаб Паулюса, у которого не оставалось больше ни единого шанса на победу. Узнав об этом Гитлер, повысил Паулюса до фельдмаршала, чтобы тот, в свою очередь, не сдавался в плен, а покончил с собой. Так поступали все немецкие фельдмаршалы терпевшие поражения. Но Паульс, все-таки предпочел капитулировать всей 6-й армией Вермахта.

16-го февраля 1943 года условия капитуляции вступили в силу. Это означало, что планы Гитлера по взятию Сталинграда не сбылись, и что он потерял в Сталинграде свои лучшие силы. Весть о разгроме армии Паулюса, потрясла Германию. Гитлеровское правительство объявило в стране траур. Три дня над немецкими городами и селами звучал погребальный звон церковных колоколов. Советский Союз тем временем ликовал, ни у кого теперь не возникало ни малейших сомнений, что до победы осталось не долго, и что основ-

ная сила противника осталась здесь, в земле, которую они так хотели завоевать.

6

После холодной, промораживающей до самых костей зимы, пришла долгожданная весна, хотя по ночам еще были сильные морозы. Днем все чаще пригревало солнце, и столбик термометра переваливал на плюсовую температуру. А в Тульском артиллерийском училище сегодня был волнительный день: вчерашние курсанты стали сегодня офицерами. Все ребята получили лейтенантские погоны, и с завтрашнего дня должно было начаться распределение их по дивизиям, полкам; одним словом, на фронт.

Михаил Кузьмич обрел сегодня военную профессию «Оружейный техник». На вечер был назначен бал в честь выпуска курсантов.

Ровно в девятнадцать часов, лейтенант Снигирев вошел в актовый зал своего училища. Сапоги его при ходьбе немного скрипели, китель был отглажен так, что чуть-чуть переливался от света, в этот момент зазвучала песня «утомленное солнце», и он подошел к девушке, стоящий около стены и теребившей в руках платок.

– Разрешите вас пригласить? – поинтересовался лейтенант. Девушка залилась румянцем и смущенно кивнула головой. Они взялись за руки и растворились в толпе танцующих пар.

– Вас как зовут?

– Дарья.

– А меня Михаил.

– Скажите Михаил, у вас сегодня выпуск из училища, вы после этого бала сразу на фронт?

– Да, я этого уже долго жду, все воюют, а мы учимся, ну теперь настал и наш черед. Теперь мы покажем, на что и мы способны.

По окончании бала, Михаил предложил Дарье ее проводить до дома, но девушка вежливо отказала и удалилась в направлении оборонного завода.

Через несколько дней Михаила направили в 266-ю Артемовско-Берлинскую дивизию, в те мартовские дни 1943 года, стоявшую несколько километров западнее Ворошиловграда. Михаила взяли на должность начальника артснабжения 1008-го специального полка. С первых дней службы он проявил себя, как ответственный и надежный командир. К концу марта Михаил получил легкое ранение, но, несмотря на это, продолжил снабжение дивизии боеприпасами.

Уже к концу апреля, на имя командующего артиллерией 3-й гвардейской армии, от командира 1008-го полка майора Мухаметдинова, был подан первый наградной лист, в котором было указано; «Наградной лист на начальника артснабжения 1008-го СП 266-й СД 3-й гвардейской армии, представляется к награде орденом „Красной Звезды“. За время работы в этой должности тов. Снигирев показал себя, как один из лучших командиров. На протяжении всех бо-

ев нашей части, благодаря умелому руководству и четкому отношению к своим обязанностям, полк не имел перебоев с боеприпасами, и своевременности ремонта орудия. Неоднократно в критический момент, в разгар боя, тов. Снигирев сам лично выезжал в подразделения и производил ремонт того или иного орудия, вышедшего из строя, восстанавливал его и давал возможность громить фашистов. Под его умелым руководством штат боеснабжения работает четко и бесперебойно. Достоин ордена „Красной Звезды“. Командир 1008 сп. Майор Мухаметдинов.»

Приказ о награждении был утвержден только 2-го июня, и вместо ордена «Красной Звезды» Снигирев, был награжден медалью «За Боевые Заслуги». Это была первая награда, после он будет награжден и орденом «Красной Звезды» и орденом «Отечественной Войны», но эта медаль будет всегда самой важной в его жизни, так как она стала первой.

В середине лета Михаил был уверен, что в составе этой дивизии он обязательно дойдет до Берлина, к которому они потихоньку продвигались. Так день за днем бой за боем и подошло к концу лето, а война по-прежнему продолжалась. В связи с постоянными сражениями, времени на сон у красноармейцев оставалось мало, но это их не пугало, а скорее наоборот раззадоривало, выстрелы артиллерийских орудий не смолкали ни на минуту, солдаты спали по очереди.

Миша, все-таки нашел время, чтобы черкнуть домой пару строк «Дорогие мои и самые любимые люди! Мама, папа

и сестренки! Простите, но времени на письма совсем не остается. В районе, где я сейчас воюю, началось большое наступление, поэтому даже спать приходится украдкой, не говоря уже о письмах, но я нашел немного времени, дабы черкнуть вам пару строк и сообщить, что я жив и здоров, сильно скучаю».

Десятого сентября противник атаковал позиции дивизии с трех сторон. Из-за видневшихся в дали берез полезли танки.

– По фашистским танкам огонь! – раздалась команда командира дивизиона, и сразу завязался бой. Орудия одно за другим незамедлительно вступили в бой, им предстояло уничтожить несчетное количество «тигров». Сержант Панин и рядовой Носов, только успевали перезаряжать и наводить орудие, сержант при этом приговаривал: «Сейчас вы свое получите, давайте, подходите ближе...».

Бой был жестокий, ни одна из сторон не собиралась уступать. Артиллерийские орудия не смолкали ни на минуту, стреляли по очереди и порою вместе. Одно из орудий во время боя вышло из строя, и техник Снигирев, прибыл для устранения поломки, не успев доделать орудие, Миша заметил, что убили командира дивизиона. Тогда лейтенант взял командование на себя, и за время его командования Советская артиллерия уничтожила более десяти танков. Артиллеристы одерживали в бою верх, до тех самых пор, пока не прилетела вражеская авиация. Самолеты Люфтваффе с ходу ата-

ковали орудия дивизии, сбросив на них несчетное количество бомб, одна из которых упала неподалеку от лейтенанта и взорвалась.

Приоткрыв глаза, лейтенант вдруг застонал. Вся правая сторона его тазобедренной кости горела огнем. Поднеся руку к ране он понял, что истекает кровью. Перевернувшись лицом к полу и уткнувшись в него, Михаил стал молиться:

– Господи, прости и помилуй меня за то, что я отрекся от тебя. Я знаю, что ты меня наказал, я принимаю твое наказание как должное. Посмотри, как я ничтожен перед волею твоей. Клянусь тебе всем святым, всем тем, что мне дорого, не отречься от тебя, ни за что и никогда. Я прибегаю только к тебе, помоги мне Господи!

Вдруг в самом углу комнаты, метрах в двадцати правее его, Миша заметил тонкую полоску света, проникающую в это помещение снизу двери, а еще он понял, что он там не один. В комнате кроме него находилось еще люди, точнее сказать, их тела.

– Товарищи! Очнитесь, – произнес лейтенант и подполз к одному из них. Но ответа не последовало. Тогда он понял, где находится. Господи, да они же мертвы, а я жив, почему тогда я тут? Почему среди них?

Набравшись сил, он пополз к полоске света. Добравшись до нее, Миша начал царапать и стучать, и казалась ему, даже кричать, но на самом деле только шептать, изо всех сил:

– Товарищи, откройте, ведь я же жив, я вас умоляю,

услышите вы меня.

Неожиданно дверь отворилась, и перед ним оказались два санитары, которые принесли тело красноармейца умершего вовремя операции. Они не ожидали увидеть перед собою живого человека:

– Боже мой, он жив! Срочно его в операционную, – произнес санитар, – подхватив Михаила под руку. Через минуту Миша был доставлен в операционную. Хирург, делавший операцию бойцу, которого те и принесли, уже переодевался, чтобы отправиться на отдых.

– Доктор, лейтенант жив! Мы отворили в морг дверь, а он на нас смотрит и просит помощи.

– Положите его на стол, – ответил хирург. Подойдя к раненому, он разрезал его одежду и указал санитарам на ранение.

– Осколочное ранение в тазобедренную часть не совместимое с жизнью, – прокомментировал врач, – Я его оперировать не стану, пустая трата времени и лекарств. Мы ему помочь уже не сможем, а лекарства сейчас на вес золота. Через два часа наступление, вот тогда они нужнее будут, и слишком большая потеря крови. Нет, даже и не уговаривайте.

– Доктор, но надо хотя бы попытаться, – продолжил санитар, – Ведь он же живой человек, что же нам его как облезлого пса на улицу выкинуть, или закопать заживо? Так не пойдет. Или Вы, Александр Иванович, сделаете операцию

и дадите шанс парню на жизнь, пускай один из тысячи, или я вынужден буду доложить об этом инциденте вышестоящему начальству.

– Хорошо, будь, по-вашему, только где мне взять столько крови?

– Берите у нас, – хором ответили санитары. Кровь одного санитаря и впрямь подошла, и он позволил взять у себя столько потребовалось.

Сама операция была сложной, хирург ее делал более двух часов. Помыв руки, и сняв операционную маску со своего лица, Александр Иванович обратился к санитарам:

– Операцию раненый перенес. К моему удивлению он жив. – Если он справится, это будет чудо.

Из операционной Михаила привезли в палату, и теперь его жизнь зависела только от его собственных сил. Пять с половиной дней Миша провел без сознания, только на шестой день он приоткрыл глаза:

– Пить... пить..., – чуть слышно попросил он.

– Сейчас налью, – откликнулся один из раненых бойцов с голубыми глазами и лицом цвета земли, он подал лейтенанту кружку с водой. Михаил сделал два глотка и снова заснул. Таким слабым и практически безжизненным он был еще целую неделю. Впереди его ждала долгая жизнь в госпитале, но сны за ту неделю, что спал, он видел только добрые и мирные. Как шалют они в школе, как дергают девочек за косички, а потом, ближе к окончанию школы ухаживают за ними.

Сам Миша не успел влюбиться, а после и вовсе уехал в училище, где встретил войну.

Так прошла еще неделя. Утром Михаил открыл глаза, и первое что он увидел в окне: луч солнца, скользящий по верхушке березы, словно согревая своим теплом каждый листик. И сама листва, после ночной осенней прохлады, еще влажная, и каждый листочек хочет погреться на солнце подольше, но, к сожалению, летняя пора осталась позади и листья один за другим слетают с верхушки березы. «Картина жизни», – подумал Миша, приподнялся на кровати и спросил:

– Ребят, где я?

Как и в прошлый раз к нему подошел тот же солдат:

– Ты в госпитале!

– Давно я тут? – продолжил Миша.

– В нашей палате две недели уже.

– А какое сегодня число?

– Двадцать пятое сентября.

– Вот это да, я последнее что помню, это бой за Славянку, десятого числа. Мы их практически уничтожили, но тут, как назло, появилась фашистская авиация и начала бомбить орудия, вот мне, наверно, и досталось, как там интересно мои ребята?

– Тебя как зовут лейтенант? – спросил собеседник.

– Михаил, а тебя?

– Меня Алексей!

– Очень приятно! Прости Леш, я немного подремлю еще, а то устал очень. – И Миша снова заснул.

Открыв глаза в следующий раз, Миша увидел у своей кровати целый консилиум: перед ним стояли главный врач госпиталя, хирург, делавший операцию, и оба санитары.

– Ну, что же, Александр Иванович, уникальный случай. Лейтенанта почти похоронили, а он жив и, если я правильно понимаю, то жизни его теперь практически ничего не угрожает, хотя на этой войне уникальных случаев хватает. Жаль только в дивизию мы его вернуть не сможем.

– Как не сможете? Я не смогу больше воевать? – спросил Михаил.

– Молодой человек, вы благодарите Бога, Александра Ивановича и санитаров наших Сашу и Сережу, что выжили после такого серьезного ранения. Между прочим, в том бою мало кому повезло. Признаюсь вам честно, мы думали и вы тоже не живой. Когда вас вытащили с поля боя, вы подавали признаки жизни, а когда доволокли к нам, то вы совсем перестали двигаться. Вас, как и всех остальных, до утра положили в комнату для погибших, откуда и принесли в операционную вот эти два наших санитары, – ответил главный врач Серафим Иванович, и указал на Сашу с Сережей. – А что касается фронта, то скажу вам откровенно: вы не то, что воевать, вы ходить больше без трости не сможете.

– Александр Иванович – это хирург, который меня оперировал? – поинтересовался Миша.

– Да, и он в данный момент стоит перед вами, – ответил главный врач.

– Спасибо Вам Александр Иванович! Если у меня когда-нибудь родиться сын, я его обязательно Сашей назову, – произнес лейтенант. В это время хирург повернул голову к стоявшим на операции санитарам, и кивнул головой в знак благодарности.

Через некоторое время, когда Михаил немного окреп и смог в руках держать карандаш, он решил написать родным письмо: «Здравствуйте мои родные! Меня зацепило немного осколком, и я угодил в госпиталь. Врачи говорят, что я тут надолго и обратно на фронт уже не вернусь». После последней написанной фразы у Михаила по щеке покатилась скупая мужская слеза, и он перестал писать. Алексей, сосед по палате, заметил, что Михаилу не по себе, и подошел ближе:

– Что Миш, тошно? – поинтересовался Леша.

– Да Леш, очень тошно. Ты слышал, они меня в инвалиды записали, а я не хочу так! Я воевать хочу, а Серафим Иванович мне сказал «без палки ходить не сможешь».

– Крепись Мишка, главное самому в себя поверить, и не перед чем не опускать руки, тогда человек на многое способен, и ты поверь в то, что ты сможешь. Просто возьми и поверь.

Слова Алексея, Михаил воспринял как призыв «не отступать и не сдаваться». Вечером он выпросил костыли у сестры-сиделки, Нины Федоровны, а утром, пока все еще спали, решил: пора начинать ходить.

Он встал, взял под руки костыли и сделал пять небольших шагов по направлению к окну, а на шестом шаге повалился с ног. Соседи по кроватям, услышав шум, проснулись и увидели на полу лейтенанта, который пытался самостоятельно подняться, но все его попытки были безуспешны. Тогда они его подняли сами и положили на кровать.

– Спасибо вам ребят, – произнес Михаил, – и простите, что побеспокоил.

– Пустяки, но в следующий раз без нашей поддержки не начинай, – ответил Леша.

Со следующего дня Алексей стал помогать Михаилу учиться заново ходить, пока что на костылях. Три дня они ходили только по палате, а на четвертый день Миша добился разрешения у Нины Федоровны, выйти в коридор. Отворив перед собой дверь и сделав пару коротких шагов, Снигирев оказался в коридоре, у которого не видно было конца, и в нем текла своя жизнь, отдельная от их палаты. Вот кого-то повезли на каталке, «наверно на операцию», – подумал Михаил. Вот кто-то догнал Серафима Ивановича и сто-

ит с ним беседует, а вдалеке санитарка моет полы. Осмотрев всю эту обстановку Миша двинулся вперед, а Алексей в след за ним. Пройдя несколько шагов, они сравнялись с Серафимом Ивановичем, который сразу их остановил и задал вопрос:

– Вы куда, молодые люди?

– Мы Серафим Иванович, пробуем ходить, – ответил Михаил.

– А, это вы лейтенант. Пожалуй, вам я позволю, но все же не переусердствуйте, только один заход. Обратно в палату Михаил еле дошел. Оказавшись у своей кровати, он присел на нее и произнес:

– Нет, я, наверное, никогда уже не смогу ходить как раньше, и своей дивизии ни чем не помогу.

– Сможешь, ты многое сможешь. Еще неделю назад ты не мог дойти до окна, а теперь ты одолел коридор. Фашисты смогли сломать тебе тело, но они не смогли сломить твой дух. Именно про таких как ты писали книги наши предки, именно такие солдаты когда-то смогли победить Наполеона, – ответил капитан, лежавший почти всегда лицом к стене.

– А тебе капитан, они смогли сломить дух? – спросил Михаил.

– Наверное, я не хочу жить – ответил тот.

– Позволь поинтересоваться почему?

– При эвакуации в Москве погибли моя жена и дочь. Жене было 23 года, а дочери 3 годика, – начал рассказ капитан, –

как только я об этом узнал начал рубить немчуру, как капусту. За два года я уничтожил 26 танков, 4 вражеских самолета и пехоты человек 40. В последнем бою мою машину подбили, я горел, но дрался, и уничтожил еще 4 тигра. Бью думаю «сейчас рванет боекомплект» и отправлюсь я к своим девочкам. Но меня достали и попытались оттащить от горящего танка, в это время боекомплект рванул, и нас зацепило осколками, поэтому я сейчас с вами. А если бы меня из танка не достали, был бы с семьей.

– Тебя как зовут капитан?

– Петр, – ответил тот.

– Петь! Тебе сколько лет? – поинтересовался Михаил у капитана.

– Двадцать семь.

– В двадцать семь лет тебе надоела жизнь? А может быть рано нам туда? Представь, если все будут думать так же, как и ты. Чего тогда будет? То-то же. А страну кто тогда будет отстраивать заново? Не ставь ты на себе крест, зализывай раны и обратно на фронт. Ты же самый настоящий герой, на тебя остальные ровняться должны, одних только вражеских танков уничтожил 26 штук, а ты говоришь погибнуть. Ты сам разговор с книг начал, так вот, что я тебе скажу Петь: если бы я был писателем, то прямо сейчас начал бы писать про тебя книгу, – только позволь поинтересоваться, что мне в конце написать? Погиб в бою специально? Нет, Петь, глупый конец получается, согласись. Живи! Мы живые Родине

нужны, а не мертвые.

За все время, что Петр наблюдал за Михаилом, он сделал для себя вывод, что парень целеустремленный и упертый, имеющий внутренний стержень, а теперь понял, что он еще и отличный друг, и сильно пожалел, что не его. Сегодня вся палата поняла, почему капитан Бородин Петр Петрович, был, так молчалив и замкнут.

Через неделю, Миша проходил по коридору уже два круга. Вернувшись в палату после своей коридорной прогулки, он обратил внимание, что капитан Бородин собирает свои вещи. Лейтенант поинтересовался:

– Петь, ты чего делаешь?

– Меня выписали, – ответил тот, и подошел ближе. – Я тебя хотел поблагодарить, за то, что ты мне помог справиться с моими трудностями, поверить в то, что я нужен живым своей Родине в дни ее послевоенной жизни. Я по образованию учитель русского языка и литературы, но сейчас не об этом. Сегодня я ухожу опять на фронт и хочу дать тебе слово офицера, что специально смерти искать не стану, но и жалеть себя не буду. Если вдруг останусь жив, хочу тебя пригласить к себе в Москву. Сразу мне не отказывай, возьми адрес, я живу на второй Мещанской улице.

Миша убрал бумажку с адресом в карман и проводил Петра до двери. Через пару дней выписали и Лешу, он отправился в свою дивизию, взяв с Михаила обещания ему писать.

Зима 1943—1944 года оказалась для Михаила самой длинной в его жизни, но день за днем, неделя за неделей, прошла и она. С каждым днем солнце светило все больше и больше и прогревало промороженную землю. В это время Михаил любил сидеть около окна и любоваться ручейками, которые куда-то спешили весь день, а ночью замерзали и превращались в лед. В марте 1944-го Михаил ходил уже с помощью трости. Как только растаял полностью снег, и ручки совсем засохли, Михаила к себе вызвал Серафим Иванович.

– Проходите молодой человек, садитесь. Как я вижу, вам у нас надоело, и я готов вас выписать и направить в восстановительный дом отдыха. В нем вы пробудите всего пару недель. Непосредственно там находится комиссия, которая принимает решение, по возвращению тяжелораненых на фронт. Возьмите со стола направление и в добрый путь!

– Спасибо Вам за все Серафим Иванович! Я вашу доброту никогда не забуду. Получается, что эта комиссия меня до фронта может и не допустить?

– Да, может. Вы не забывайте, что у вас тяжелое ранение было, почти смертельное. В госпитале я вас держать больше не могу, я обязан вас направить в дом отдыха, таковы правила. Живите долго и счастливо, и больше к нам не попадайте.

– Еще раз спасибо вам, Серафим Иванович. Когда мне туда отправляться?

– Завтра с утра и отправляйтесь.

Выйдя из кабинета главврача, Миша побрел по длинному коридору в сторону своей палаты, но он просто не мог не зайти и не попрощаться с хирургом, который вытащил его с того света. Зайдя в кабинет, Михаил крепко пожал врачу руку и произнес:

– Александр Иванович, меня сегодня выписали, и я хотел бы с вами попрощаться и еще раз поблагодарить за подаренную мне жизнь, ведь если бы не вы, то я сейчас бы уже кормил червей.

– Ты знаешь Миш, в этом не только моя заслуга, а еще и наших санитаров которые тебя обнаружили, принесли из морга, и практически силой заставили меня сделать операцию. Да, кстати, один из них отдал тебе огромное количество своей крови.

– Который?

– Саша, – ответил врач. Пожав еще раз руку, Миша отправился к санитарам. Войдя к ним, Михаил обнаружил только одного санитаря, это оказался Александр, но он в этот момент дремал. Миша присел рядом, тот приоткрыл глаза, и лейтенант в свою очередь задал ему вопрос:

– Саш, как тебя по отчеству?

– Степанович, а зачем тебе?

– Вот пришел с тобой попрощаться, и поблагодарить те-

бя Александр Степанович, за то, что ты отдал мне огромное количество своей крови, и настоял на операции.

– Да перестань, я для этого здесь и нужен, тогда в свою очередь хочу пожелать тебе, чтоб ты жил счастливо и долго! Теперь ты обратно на фронт?

– Я даже не знаю Саш, это не от меня зависит, как комиссия решит.

Утром следующего дня дверь госпиталя распахнулась, и в ней появился лейтенант Снигирев. Его глаза блестели от радости, что он, наконец, покидает стены госпиталя, не смотря на то, что направлялся он не в дивизию, а в дом отдыха, он все равно был безумно счастлив. Свежий весенний воздух сразу заполнил его легкие: «давно я не дышал таким воздухом и так по нему соскучился», – подумал Михаил.

В правой руке у него была трость, без нее ему было тяжело еще ходить, но все-таки он верил, что это ненадолго. Ближе к вечеру Миша добрался до места назначения, его встретили и поместили по высшему классу, за целый день, проведенный в пути, он сильно устал, так что уснул быстрее, чем голова приземлилась на подушку.

В восстановительном доме отдыха лейтенант быстро привык, все ребята были после тяжелых ранений, но говорить они об этом не любили, а любили больше гулять, играть в шахматы, а некоторые даже на музыкальных инструментах. Но если присмотреться ближе, то у каждого на лице был страх, страх от того, что не им вернуться больше на фронт.

Эти две недели пребывания прошли очень быстро, и ближе к обеду лейтенант Снигирев стоял перед дверью, где должна была решиться его судьба. Вот он услышал из-за двери резкое «войдите». Подойдя к столу, лейтенант очутился

перед майором, который и решал, куда лейтенанту в дальнейшем домой или на фронт.

– Здравия желаю, товарищ майор! – обратился Миша.

– Ладно, лейтенант, не кричи, присядь лучше. Я ознакомился с твоим личным делом, ты героически сражался и принял на себя серьезный удар врага. За этот поступок тебя наградили орденом «Красной Звезды», эту награду мне прислали вместе с твоим личным делом из дивизии, чтобы я тебе ее торжественно вручил.

– Служу Советскому Союзу!

– Ладно, вольно. Теперь, наверное, самое важное. Я не имею права тебя больше отправлять на фронт, таковы правила; я надеюсь, ты меня поймешь, да и ходишь ты с помощью трости: так что домой.

Михаил, вышел из кабинета майора со слезами на глазах, вот так в одночасье майор перечеркнул судьбу офицера.

– Ну, как? – спросил следующий.

– Наградили, – ответил лейтенант.

– А почему тогда плачешь?

– От радости.

После обеда Михаил получил сухой паек и деньги на дорогу, а к вечеру уже сидел в вагоне.

Через день он сошел с поезда в родной Калуге и с трудом ее узнал. Некоторые дома были разрушены, на улицах лежали мешки с песком и даже кое-где стояли противотанковые ежи. «Да, как изменился город» – подумал Миша, и по-

хромал до родительского дома. Подойдя к входной двери он громко в нее постучал. Дверь распахнулась, перед ним стоял отец:

– Здравствуй отец, – произнес лейтенант.

– Мишка ты?

– Конечно я, не похож?

– Какой ты стал. Мать Мишка вернулся!

Мать, не успев подойти, сразу бросилась в объятия сына:

– Сынок, слава Богу, ты вернулся, Господь услышал мои молитвы. Кузьма, да чего мы сына на пороге держим? Сынок проходи.

Михаил прошел в дом, и мать заметила, что в руке он держит трость и сильно хромотает.

– Садись сынок за стол.

– Мам, у меня в сумке еда, возьми!

Взяв кружку с чаем, Миша попросил родителей рассказать, как они тут жили, все это не легкое время.

– Мы сынок неплохо жили, только за тебя переживали, особенно когда ты написал письмо из госпиталя, что тебя осколком зацепило. Тебя сильно изувечило? Нога своя? Не протез?

– Не переживайте, нога у меня своя, немного зацепило осколком в бедро, но врачи все сшили и слепили, так что все хорошо.

– Ты насовсем? – продолжила мать.

– Да, – ответил сын.

– Комиссовали? – поинтересовался отец.

Михаил кивнул головой.

– Переживаешь?

– Переживаю.

Отец подмигнул матери, это означало «неси самогон».

Как только мать принесла бутылку, родитель сразу налил Мише полный стакан, и себя в тоже время не обидел:

– Давай, сынок, выпьем за то, что ты жив, за то, что ты не потерял веры, и я тебя очень хочу попросить, не теряй никогда и надежды, не опускай руки. За тебя, сын, за тебя!

– Кузьма! Ты куда по столько льешь? Ведь он сейчас упадет.

– Не переживай мать, не упадет! Ты глянь, ведь он уже не тот зеленый юнец, а фронтовик.

– Нет, пап, мама права, наливай по половинке.

– На улице уже темно, а девчонки где-то ходят.

Не успела мать договорить, как в дверь постучали.

– Кто? – спросила она.

– Мам, это мы.

– Ну, слава Богу! Проходите, там Миша вернулся.

– Правда?

Сестры бегом рванули к брату:

– Мишка! Это ты? Девочки, вы гляньте, братик наш при медалях! Миш, ты надолго домой?

– Да, меня записали в инвалиды, так что больше воевать не могу.

– Какой же ты инвалид?

– Получается, что самый настоящий. И на фронт таким дорога закрыта. Но ничего я завтра в комиссариат пойду.

На следующее утро Михаил явился в комиссариат и доложил о своем прибытии из госпиталя, поведал там свою историю, и выказал им свое неудовольствие по поводу решения майора. При этом поинтересовался, может здесь смогут помочь и вернуть обратно в строй.

– Я вас прекрасно понимаю, товарищ лейтенант, но тако-вы правила и нет у меня таких полномочий, чтобы отменить решение комиссии, – ответил комиссар. – Вот ваше личное дело, и там черным по белому написано «тяжелое осколочное ранение, повлекшее за собою сильное увечье тазобедренной области». Куда мне прикажите эти слова деть?

– Да, товарищ майор, такие слова тяжело спрятать, но все же, посмотрите на меня, я полон сил, энергии, отваги, а вы меня домой. Телят мне, что ли пасти?

– Я вижу не зря вам орден дали, вы вправду человек глубоко любящий Родину, я попробую помочь, но не сразу, зайдите месяца примерно через два.

– Есть! Зайти месяца через два, разрешите идти?

– Идите, но впредь трость за дверью больше не оставляйте.

– Есть, трость за дверью не оставлять.

Возвращаясь домой Михаил весь сиял от радости. К нему вернулась и надежда, которую он чуть не потерял. После обе-

да Миша решил написать письмо Петру: «Здравствуй Петь, пишу тебе из дома, так как меня комиссовали. Но после визита в комиссариат у меня снова появился шанс». За ужином Михаил поделился радостным событием и с родителями:

– Мне сегодня в комиссариате майор пообещал помочь с возвратом в дивизию. Только сказал, должно пройти несколько месяцев.

– Вот я вчера об этом и толковал – надежду главное не потерять, – произнес отец.

– Да, я сейчас расскажу историю, которую до сей поры не рассказывала никому, – произнесла Агриппина Алексеевна, – дело было так: получила я в 1916 году письмо, сказывалось в нем, что муж ваш, при наступлении российских войск, героически погиб. А я читаю и чувствую, что он жив, нет такого предчувствия, как тебе лучше объяснить, предчувствия потери близкого. Мне бы тогда обратить внимание, что ни фамилии, ни имени не указано. А я в те дни просто надеялась и верила, что он придет домой. Ждала его я каждый день, и каждый день смотрела на дорогу, и месяца через три, представляешь, мою пол, а тут дверь в хату отворилась и на пороге я увидела Кузьму. Помню, моему бабьему счастью не было тогда придела. Оказывается, у них солдат перепутал и не туда письмо послал, помнишь Кузь?

– Да, мать, помню. Миш, представь картина, я возвращаюсь домой, а на меня здесь уже похоронка приходила, но моя жена не поверила, ни единому слову этой бумаги, и продол-

жала верить, что я жив, и надеялась на мое возвращение, и я пришел.

– Этим рассказом мы хотели донести до тебя сынок, что никогда не надо терять надежды и веры.

Ранним теплым утром в середине лета Михаил вышел из дому прикурил папиросу и направился в сторону комиссариата. Сегодня он шел легкой походкой, не смотря на то, что рана его еще беспокоила. Трость он решил с собой уже не брать, и все свое тело пытался перенести так, чтобы по минимуму опираться на ту ногу, на которой было ранение, и где периодически пробивала острая боль. Он хорошо понимал: если появиться с тростью, то о фронте разговор заводить с комиссаром бесполезно, а если придти легкой походкой, и убедить его в том, что рана больше не беспокоит, то сразу появится шанс на восстановлении в рядах вооруженных сил. Так Михаил и поступил, войдя легкой походкой в кабинет комиссара, Михаил громким голосом доложил о своем прибытии:

– Товарищ майор! Лейтенант Снигирев прибыл по вашему приказанию.

– По-моему?

– Так точно, по-вашему, как вы приказали через два месяца.

– Да, я вспомнил, вы после тяжелого ранения, присаживайтесь, буду с вами предельно откровенен, что касается вашего возвращения на фронт, тут, увы, я сделать ничего не смог, но в то же время я готов вам помочь, и предложить

вам службу в тылу, что скажите лейтенант?

– В тылу?

– Да в тылу. Дело в том, что я поближе ознакомился с вашим личным делом и понял, что такой офицер как вы, имеющий боевые заслуги ни как не может быть отстраненным от вооруженных сил нашей страны. Я буду рад восстановить вас в звании и предложить вам проходить службу здесь, в должности помощника комиссара. Конечно это не фронт, и я это прекрасно понимаю, но и здесь кто-то тоже должен служить. Я даю вам время подумать, скажем, до завтрашнего дня.

– А чего здесь думать, если с фронтом вообще никак не выходит, то я согласен в комиссариате.

– Значит, ты согласен?

– Конечно.

– Тогда я сегодня подготовлю на тебя приказ, а завтра с утра жду на службе. Да, еще хотел спросить, а где твоя трость?

– Она мне больше не нужна.

Удача снова повернулась к Михаилу лицом, и надежда на восстановлении в рядах Советской армии тоже оправдалась. Он так спешил домой, чтобы скорее порадовать родителей своим восстановлением в рядах вооруженных сил, что совсем забыл про боль, которая периодически его настигала. Войдя в дом, Миша поспешил поделиться радостной новостью с родными:

– Меня восстановили в армии! – произнес он.

– Ты чего снова на фронт уходишь? – испуганно спросила мать.

– К сожалению нет. Мне предложили службу в тылу, а точнее при нашем комиссариате и я согласился, так что с завтрашнего дня я вступаю в должность.

– Мать, ну ты чего стоишь? Неси скорее самогон, сын снова офицером красной армии стал!

Родители очень обрадовались, что их сын остается дома и при этом возвращается в армию, без которой просто не видит своего существования.

С первых дней тыловой службы на Михаила Кузьмича, навалилось очень много документальной работы, так как комиссар всю ее делать просто не успевал, а помощника у него давно уже не было. Михаил втянулся быстро, так как с раннего утра до позднего вечера находился на службе.

Придя однажды вечером домой, Миша обнаружил на столе конверт, отец произнес:

– Это тебе.

«Наверное, от Петра» – подумал Михаил, и поспешил открыть. Прочитав несколько строк, он понял, что это от Леша, но написано не им: «Здравствуйте Михаил! Пишут вам сослуживцы Алексея, вы нас совсем не знаете, и мы вас тоже никогда не встречали, но вы даже не можете себе представить, сколько мы о вас слышали. Леша очень часто ставил Вас, товарищ лейтенант, в пример. Не успев вернуться из гос-

питая, он первым делом сказал: запомните ребята, война может сломать наше тело, но она не может сломать наш дух. Я в госпитале познакомился с совсем молодым лейтенантом, вернувшимся с того света, получившим очень тяжелое осколочное ранение, после которого он не мог ходить, но не смотря на это, он поставил перед собою цель: вернуться на фронт, не смотря ни на что. Все эти слова были сказаны про Вас. Мы долго вас искали. Сначала писали в госпиталь; оттуда пришел ответ, что вы направлены в дом отдыха для восстановления. Тогда мы написали туда, и уже оттуда пришел ответ, с указанием вашего домашнего адреса. Вы нас простите Миша, но у нас плохие новости: Леша погиб. Фашистам удалось сломать его тело, но мы верим, что сломить его дух, а другими словами его душу, им все равно не по силам». Миша, дочитав письмо, смял его и бросил в угол, при этом прикрыв свое лицо ладонями.

– Кто? – тихонько спросил отец.

– Лешка, друг из госпиталя, вместе с ним раны зализывали, и вот его больше нет. Бать, давай помянем. «Эх, Леша, вернуться на фронт я так и не смог. Так что зря ты меня в пример ставил» – подумал Миша.

Время шло, и наступила зима – это была последняя военная зима. Советские войска с каждым днем продвигались на запад, и наносили ожесточенные удары по всему направлению фронта. Германские войска несли огромные потери, Советская авиация каждый день наносила удары по всем го-

родам Германии. До великой победы оставались считанные месяцы.

В Калуге шел пушистый снег, седой дым поднимался столбами из печных труб над скатами крыш, Михаил возвращался не спеша домой со службы. Впервые за долгое время он любовался снегом, пушистым белым снегом, который сыпался на город, а на улицах этого города была звенящая тишина. Подойдя к своему дому, Михаил увидел, что отец чистит дорожки.

– Пап! Хочешь, я тебе помогу?

– Нет, сынок, я справлюсь, иди, там мать тебя к ужину заждалась.

Зайдя в дом, Михаил разделся и сразу сел за стол, мать сразу подала ужин.

– Мам! Как ты думаешь, может мне жениться?

– Ты нашел себе невесту?

– Нет, не нашел, просто подумал, что наверное пора.

– Признаться честно, я буду этому только рада. Как у тебя на службе обстоят дела, чего нового слышно? – Когда эта проклятая война закончиться?

– Что касается последних сводок с фронтов – наши войска ведут ожесточенные бои по всем направлениям фронта, и находятся уже вблизи Польской границы, так что осталось недолго.

Теплым майским утром Михаил встал, позавтракал и собрался уже выходить в комиссариат, как тишину прервал громкий голос из радио: «От Советского Информбюро: Сегодня 9-го мая 1945 года в ноль часов и сорок три минуты, в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Это означает, что Советский Союз одержал верх над нацизмом!».

– Победа! Вы слышали это? Победа! – громко крикнул Миша.

– Сынок, ты чего кричишь? – спросила мать.

– Мама! Победа! Только что объявил Левитан.

– Сынок, какое счастье, неужели все позади!

– Я не ослышался? – вбежавший в одних трусах на кухню, спросил отец.

– Нет, пап! Победа!

– Мать, накрывай на стол, праздник-то какой! Мишка, ты чего стоишь? Садись.

– Нет, пап мне на службу.

– Ну, иди тогда, я тебя дождусь, – ответил отец.

Открыв дверь, Миша вышел на улицу, такого количества народу он не видел уже давно: вся центральная площадь была усыпана людьми, но в основном это были женщины.

– Солдатик! Скажи, скоро наши мужики вернуться? – за-

дала вопрос немного сутулая женщина. «Всех поистрепала война» – подумал Михаил.

– Я не знаю, – ответил он ей.

– Да какой это солдатик – это офицер, и должен знать, – возразила другая.

– Милые женщины! Я ничего еще не знаю, в комиссариат только иду, и думаю там к вечеру что-нибудь прояснится.

Зайдя в комиссариат, Михаил напрямик направился в кабинет комиссара.

– Здравия желаю, товарищ майор, – разрешите вас поздравить с величайшим для нашего народа днем, днем победы!

– Спасибо лейтенант, я, в свою очередь, хочу и тебя поздравить тоже. С завтрашнего дня у нас с тобой начнется совсем другая жизнь, а сегодня я объявляю выходной, иди домой и отметь праздник.

– Есть идти домой. – Разрешите спросить?

– Спрашивай.

– Там, на площади, женщины очень интересуются, когда мужей домой ждать, а мне обратно через площадь идти, одним словом я им обещал ответить.

– Я тебя понял. По имеющимся на этот момент данным, первые эшелоны выйдут через три дня, так что через неделю первая партия солдат прибудет домой. Так и скажи им через неделю, – ответил майор.

– Разрешите идти?

– Иди, но завтра не опаздывай, придется с документами

работать, а их будет не мало.

Возвращаясь домой через площадь, Михаил спросил у толпы, которая еще не разошлась:

– Кто интересовался возвращением мужей?

– Да чего ты спрашиваешь – все.

– Тогда отвечаю всем: ваши мужья, братья, сыновья и отцы, возвращаются примерно через неделю, через три дня погрузка первых эшелонов, а ехать им от туда дня три.

– Спасибо тебе, солдат, а ты сам чего тут уже?

– Я, женщины, после осколочного ранения был направлен в тыл.

В середине июня, Михаил, вернувшись из комиссариата, обнаружил на столе письмо. Это письмо предназначалось ему. Обратный адрес на конверте был московским; открыв конверт, Михаил понял, что пишет Петя: «Дорогой Миша! Сердечно поздравляю тебя с Победой, и хочу сообщить, что я прибыл домой. Помнишь, я тебе про книги рассказывал? Про Отечественную войну? Дело в том, что мне в библиотеке должность предложили. И, пользуясь случаем, хочу тебя познакомить тебя с литературой Отечественной войны. Так что я тебя жду в гости, хотя бы на неделю, бросай все и приезжай, я тебя познакомлю с Москвой».

– Кто пишет Миш? – зайдя в комнату, поинтересовалась мать.

– Петр пишет, мам.

– Что пишет?

– Пишет, что домой вернулся, работу предложили.

– Работу? Быстро, интересную?

– В библиотеке.

– У него есть образование?

– Высшее.

– Сынок, а ты не думал поступить в институт?

– Нет, мам, когда? Была же война.

– Ну, теперь она закончилась, так что можно задумать-ся о дальнейшей учебе. Пойми меня правильно, я тебе желаю только добра, и всегда буду одобрять твой выбор, но посмотри на нас с отцом: мы неучи, всему, чему нас научили – это читать по слогам, и немного писать, остальному нас учила жизнь. А ты – молодой человек, с уникальными, на мой взгляд, мозгами. Если не веришь мне, то вспомни своих школьных учителей, которые тебе изо дня в день твердили, что ты одарен умной головой. Подумай, жить тебе, мы свое уже почти отжили.

– Хорошо мамочка! Я обещаю подумать.

На следующий день Михаил подошел к комиссару, и осмелился попросить отпуск:

– Товарищ майор, разрешите воспользоваться отпуском, для отбытия в Москву.

– Ты на парад победы собрался?

– Никак нет, у меня друг с фронта пришел, и пригласил в гости.

– Хорошо, отпуск у тебя действительно есть, основной поток солдат мы с тобой обработали, так что могу тебя отпустить. Сколько суток тебе нужно?

– Думаю, суток пятнадцать мне хватит.

– Езжай, – ответил майор.

Выбежав из комиссариата, Михаил заглянул на станцию, приобрел билет. Зайдя домой быстро перекусил, попрощался с родными и отправился в Москву.

Ближе к вечеру двадцать второго июня, Михаил позвонил в дверь Петра. Дверь распахнулась, и друзья оказались лицом к лицу; не прошло и двух секунд, как они уже обнимались:

– Мишка, приехал, дорогой! – произнес Бородин.

– С Победой тебя Петь!

– Спасибо! И тебя, проходи, у меня стол уже накрыт.

– Стол? Ты кого-то еще ждешь?

– Кроме тебя больше никого не жду.

Сев за стол, друзья первым делом помянули всех боевых товарищей:

– Миш! Я хочу помянуть всех наших друзей, которые не дожили до этого счастливого дня, дня Победы, – обратился Петр, – За твоих артиллеристов, которые сами погибли, а тебя закрыли собой; за нашего общего друга Лешу; за мою жену и дочь; за моих друзей из танкового соединения. Покойтесь с миром, и большое вам спасибо, за нашу общую Победу, до которой вы так и не дожили.

Многое они сегодня вспомнили из своей фронтовой и госпитальной жизни, все, что им пришлось пережить, за эти четыре года войны. Утром следующего дня, за завтраком Петр спросил у Михаила:

– Миш! Ты помнишь разговор про библиотеку?

– Конечно.

– Я принял их предложение, и с понедельника вступаю в должность библиотекаря, а сегодня мы с тобой туда отправимся, я надеюсь, ты не возражаешь?

– Ничуть!

– Да, Миш, забыл вчера спросить, ты надолго ко мне?

– Я тебе уже надоел?

– Как ты мог обо мне так подумать?

– Перестань, шучу, я на две недели приехал.

– Отлично! тогда завтракаем, и в библиотеку.

От увиденного количества книг у Михаила разбежались

глаза, он никогда еще не был в библиотеке такого масштаба:

– Петь, а сколько тут книг?

– Как видишь, но лично мне кажется, что несчетное количество.

– Наверное, всей жизни не хватит, чтобы их прочесть.

– Возможно, ты прав, но мы хотели посмотреть определенную литературу.

– Да я помню, но где ее найти?

– А вот в этом вопросе доверься мне.

Петр взял лестницу, и вскарабкался на нее одним махом, достав при этом со средней полки нужную книгу. Перейдя в читальный зал, друзья долго штудировали содержимое. Михаил во многом написанном узнавал Петра, а Петр напротив, узнавал Михаила. Выйдя на улицу, они какое-то время еще спорили и доказывали, что друг – герой, а он сам – просто выполнял долг. Мальчишки. Они оба являлись героями этой самой кровопролитной войны человечества.

До дома Петра, на вторую Мещанскую улицу друзья отправились пешком. Петр очень хотел познакомить товарища с Москвой, и погода позволяла пройтись и насладиться прогулкой.

Послевоенная Москва была неотразима. Михаил впервые был в столице, поэтому никак не мог ей налюбоваться: большие проспекты, набережные, памятники поэтам, не давали ему покоя, и тут в его голове вдруг пробежала мысль: «а что если мне и вправду остаться в этом прекрасном городе?». Ре-

шив поделится своей мыслью с Петром, он громко его окликнул:

– Петь!

– Да Миш, – отозвался Петр.

– Слушай, я тут подумал.

– О чем?

– Да нет, нет, не обращай внимания, – ответил Михаил.

– Ну, как знаешь.

Вечером того же дня Петр обратился к другу:

– Миш, у меня для тебя сюрприз.

– Что за сюрприз? – поинтересовался Миша.

– Ты завтра увидишь, как на Красной Площади сожгут все фашистские штандарты. И я скажу тебе больше – одно вражеское знамя буду уничтожать лично я.

– Петь, ты участник парада?

– Да – я участник парада, – ответил Петр, и предложил идти спать.

– Петь, ты иди, а я посижу немного, покурю у окна.

– Хорошо, только долго не засиживайся, помни, что подъем в восемь.

– Как скажешь.

Михаилу очень нравился вид из окна квартиры Петра, даже ни столько сам вид, он был неказистым – на дом стоящий напротив, а сколько звон проходящих снизу трамваев. Когда шел очередной трамвай, раздавался небольшой и приятный шум колес, который Мише очень нравился. Он поймал себя

на этой мысли с утра, когда снизу начали курсировать составы. «Никогда бы не подумал, что звук проходящего трамвая мне будет приносить удовольствие», – подумал он.

Квартира у Петра была превосходная – в ней было то, чего не было у Михаила в их деревянном доме, а именно: ванна, уборная комната и паровое отопление. Потолки в квартире превышали высоту в три метра; хотя сама квартира имела две комнаты, кухня была внушительных размеров. Эта квартира досталась Бородину от родителей, уехавших в 1939 по работе в Ленинград, и не переживших там блокаду.

Ровно, в восемь часов, Петр разбудил Михаила и отправился собираться на парад. Когда он вышел из соседней комнаты, у Михаила разбежались от удивления глаза: вся грудь Петра была увешана медалями, а над всеми этими наградами, Михаил заметил звезду «Героя Советского Союза». Петр в этот момент громко отрапортовал:

– Капитан Бородин к военному параду в честь победы над фашистской Германией готов.

– Петька, ты Герой Советского Союза?

– Да ладно Миш, перестань, какой я герой? Я бы им был, если бы жизнь своих девочек сохранил, и родителям не дал бы во время блокады погибнуть.

– И он мне вчера доказывал, что я герой, а он просто выполнял свой долг, нет, Петенька! Награда сама нашла своего героя.

Быстро перекусив, друзья спустились вниз, и вышли из подъезда. Сапоги их были начищены так, что в них отражалось даже солнце. Они заскочили в ближайшей трамвай, и направились в сторону самой главной площади страны. Прибыв на площадь, офицеры попытались протиснуться вперед, и у них это получилось. Петр занял место участника, а Михаил – зрителя. Когда Куранты пробили десять часов, на Красной площади появились два маршала Советского Союза, скакавшие верхом на белых лошадях. Это были маршал Жуков, принимающий парад, и маршал Рокоссовский, командующий парадом.

После принятия парада, маршал Жуков поднялся на мавзолей Ленина, где находился верховный главнокомандующий, и доложил о готовности войск к началу парада. Сталин лично поздравил всех присутствующих с победой, и пожелал им и их семьям доброго здоровья и мирного неба над головой. Он поблагодарил всех за победу, и отдал приказ об уничтожении всех фашистских штандартов.

Михаил стал свидетелем исторического момента, и был очень горд за своего товарища, который пронес один из вражеских флагов через всю площадь, и швырнул его к стене для уничтожения.

После парада Петр предложил Мише прогуляться по набережной Москвы-реки, а потом пообедать в кафе. За обедом Петр обратился к другу:

– Миш! На этом сюрпризы не кончаются.

– Ты не перестаешь меня удивлять, – ответил лейтенант.

– Мы с тобой сейчас отправляемся на бал.

Появившись на балу, ребята были сильно удивлены: огромный зал был до отказа заполнен людьми. Офицеры даже немного растерялись, но быстро пришли в себя:

– Вот это да! Я первый раз вижу на балу такое количество людей, – произнес лейтенант.

– Признаюсь тебе – я тоже, – ответил капитан.

– Посмотри справа: от нас две симпатичные девушки, давай их пригласим! – предложил Петр.

– Давай, – согласился Михаил.

Как только зазвучала музыка, друзья подошли к девушкам.

– Милые дамы! Разрешите вас пригласить, – обратился Петр.

– Разрешаем, – в один голос, улыбаясь, ответили девушки.

И взявшись за руки, обе пары растворились в толпе.

– Вас как зовут? – поинтересовалась девушка у лейтенанта.

– Михаил. А вас?

– Меня Вера.

– Какое у вас красивое имя, Вера!

– Самое обычное.

– О нет, я бы так не сказал. Вера – от слова верить.

– Я смотрю, Михаил, вы философ.

– Нет, что вы, какой я философ, я матерый реалист.

– Миш! Вы недавно с фронта?

– С фронта я вернулся чуть больше года назад, после госпиталя.

– У вас серьезное ранение?

– Я бы так не сказал, а вот медицина со мной не согласилась, и отправила меня в тыл.

– Вы на какой улице живете?

– Сейчас я живу у Петра, на 2-й Мещанской. Он меня в гости пригласил, мы с ним познакомились в госпитале в 1943-м. А вообще я живу в городе Калуга, там у нас свой дом, хозяйство.

– А вы, Вера, где живете?

– Я тоже на Мещанской улице живу.

– Какое совпадение, вы позволите вас проводить?

– Конечно!

– Вера! Если я не ошибаюсь, то ваша подруга чуть старше вас?

– Да Миш, не ошибаетесь – Ольга старше меня ровно на два года. У нее трагически сложилась судьба: отец и брат погибли на фронте, а мама не смогла этого перенести, и умерла от сердечного приступа. Оля об этом узнала только по возвращении в Москву. Она санинструктором была на медицинском поезде, поэтому какую-либо весточку ей было получить очень тяжело; сама она, конечно, писала, но ответа от них не получала. По возвращении домой Оля поняла, что осталась одна, замкнулась в себе и общаться ни

с кем не хочет. Ну, понять ее конечно можно, остаться в од-
ночасье без семьи. Поэтому я ее с трудом уговорила пойти
со мной на бал, а то она так с ума сойдет.

– Вы знаете, Вер, у Петра история похожая, но только он
был женат, и у него была малолетняя дочь. Они погибли при
эвакуации, а в Ленинграде – родители не пережили блокаду.
Вот когда я с ним познакомился, он себе места не находил.
Как похожи их судьбы, война их сделала несчастными. Мо-
жет приглянуться они друг другу, и станут счастливее.

– Было бы хорошо, а то я за Олю переживаю, как бы глу-
постей не натворила. Миш, они улыбаются, значит, есть на-
дежда, и мы давайте танцевать, праздник-то какой – Победа
все-таки!

Так незаметно для всех подошел к концу праздничный
бал, и друзья предложили проводить девушек до дома. Пред-
ложение девушки приняли с удовольствием. Шли не спеша,
ведь спешить было некуда, впереди была долгая ночь, и хо-
телось поближе узнать друг друга. Тогда Вера, поинтересо-
валась:

– Ребят, вы вместе воевали?

– Нет, воевали мы в разных войсках, – начал отвечать
Петр. – Судьба свела нас только 1943-м в госпитале. Тогда
Мишка мне показался настолько упертым, представьте – он
не мог дойти до окна, которое было расположено от его кро-
вати в десяти шагах, но при этом он каждый день рвался
на фронт. Именно тогда я понял, что он из себя представля-

ет.

– И это вам говорит Герой Советского Союза, – продолжил Михаил, – когда я его увидел впервые, я не обратил на него ни малейшего внимания, а когда он начал рассказывать, как в щепки крошил врага, и что зря теряет время на больничной койке. Вот тогда и я понял, что и Петя из себя представляет. Звезду героя, он получил не зря, – про потери Петра, Михаил рассказывать не стал, дабы не причинять ему боль.

Незаметно для себя, ребята дошли до второй Мещанской улицы. По ней еще проходили последние трамваи, спешившие в депо, а сама улица была наполнена светом ночных фонарей. Несмотря на позднее время, из распахнутых окон были слышны песни счастливых людей, победивших фашизм.

– Ну, вот мы и пришли – это наш дом, – сказала Вера.

– А напротив – мой, – произнес Петр, и указал на него рукой.

– Так мы, выходит, соседи, – продолжила Вера, – это хорошо.

– Ребят! Я домой совсем не хочу, там тоска, а с вами мне хорошо, – произнесла Ольга.

– Я могу предложить посидеть немного на лавочке, вон под тем тополем, – произнес Петр. Остальные его предложение с удовольствием поддержали. Присев на лавку, Вера продолжила разговор, и задала друзьям вопрос:

– Ребят, скажите, а вы уже решили, чем будите занимать-

ся, где будете работать?

– Работать я устроился в библиотеку, а так как имею высшее педагогическое образование, меня взяли с радостью, – ответил Петр.

– А ты Миш? – продолжила Вера.

– Я в Калуге, при комиссариате пока служу.

– Миш, ты прости меня за мою любознательность, но ты сказал «пока», у тебя есть задумки на будущее? – продолжила Вера.

– Видишь ли, Вер, в чем дело. При отъезде в Москву, у меня с матерью случился разговор, и вот она меня натолкнула на мысль об учебе в университете.

– Ну, так поступай, сейчас самый набор начался, – продолжила Вера.

– Здесь, Верочка, нюансы начинаются: все высшие учебные заведения находятся в Москве, а я – калужанин.

– Ну, это не проблема, ты мог бы какое-то время пожить у меня. Комнаты у меня в квартире две, а я – один, – предложил Петр.

– За предложение спасибо! – продолжил Михаил, – только в Калуге я служу при комиссариате.

– Уйдешь, – продолжил Петр.

– Миш, а ты поступай в военный институт, – предложила Вера.

– Звучит, конечно, заманчиво, – ответил Миша, – но, кто меня туда возьмет после ранения, там нужны здоровые кад-

ры.

– Да где ты сейчас их найдешь? – вмешалась в разговор Ольга.

– Я смотрю, вы меня все уговариваете, тогда действительно стоит попробовать. Куда идти поступать?

– Это мы завтра с тобой посмотрим, смотри не передумай до завтра, – произнес Петр.

Тем временем незаметно приближался рассвет, солнце медленно всходило из-за горизонта, и первые лучи начали прорезать туман, окутавший за ночь город.

– Холодно, – произнесла Оля.

– Ребят! Пойдемте по домам, – предложила Вера.

– Да, действительно, пора расходиться. Но давайте завтра ближе к вечеру встретимся на этой лавочке, скажем ближе к шести, – произнес Петр.

– Хорошо, – ответили девушки.

Проводив девушек до дома, друзья пришли к себе и сразу отправились по кроватям. Уснуть только Мише не удалось долго, мысли об учебе никак не выходили из его головы: «может и впрямь попробовать? Комиссариат все равно никуда не денется, а в институт потом уже поступить не получится. Надо рискнуть, и испытать свои силы. Какой только факультет выбрать? Может дипломатический? А чего, звучит не плохо: военный дипломат Снигирев. Надо засыпать, а то, спать осталось всего пару часов».

Петр проснулся первым, ближе к двенадцати часам, при-

готовил легкий завтрак, и направился в соседнюю комнату будить Михаила. Зайдя в комнату, он обнаружил возле кровати лейтенанта клочок бумаги, поднял его и прочел текст листовки, написанный простым карандашом: «артиллерия, военная дипломатия». Обе эти надписи были зачеркнуты. Петр хмыкнул и подумал: «Мишка, профессию себе выбирал; по всей вероятности не выбрал»:

– Миш! Вставай, а то все проспичь.

– Который час? – поинтересовался Михаил, протирая пальцами глаза.

– Около двенадцати, – ответил Петр.

– Что же ты меня так поздно будишь, мы опоздаем в институт, – возмутился Михаил.

– Сначала, нам с тобой нужно определиться, куда ты хочешь поступать? Судя по этой бумажке, две профессии ты вычеркнул. – Петр протянул клочок бумаги, который он обнаружил на полу. За завтраком, Михаил ответил, что профессия «военный дипломат» ему нравится, но он боится, что у него ничего не выйдет. Петр сразу возразил:

– Почему ты так думаешь? Там же пять лет учат профессии, вплоть до иностранных языков.

– Иностранных языков? – громко поинтересовался Михаил.

– Ну да, – ответил Петр.

– Петь! Тогда это то, что мне нужно. Я с великим удовольствием овладел бы иностранным языком. Все, решено, хочу

стать «военным дипломатом».

– Тогда доедаем, одеваемся и идем, я уже даже знаю куда. Не забудь надеть все свои награды, они тебе будут достойной характеристикой.

Дверь подъезда распахнулась, и в ее проеме появились двое молодых людей, выходящих уверенной походкой.

На одном из них был одет костюм с единственной наградой: звездой Героя Советского Союза. Другой был одет в военный китель со всеми своими боевыми наградами, на ногах у них были офицерские сапоги, начищенные до блеска.

Запрыгнув в первый попавшийся трамвай, друзья доехали до ближайшей станции метро и спустились вниз на платформу. Михаил уже был в метро, когда приехал к Петру, это был его второй визит в подземку, но в прошлый раз он не успел все досконально разглядеть, а сейчас ему не только удалось посмотреть на архитектуру подземного города, но еще и послушать о нем из уст москвича.

Добравшись до института, ребята подошли к его огромным дверям и, с придыханием, распахнули их перед собой.

Перед ними был «Военный Институт Иностранных Языков».

– Прошу Вас товарищ лейтенант! – произнес Петр.

– Ни пуха, ни пера, товарищ капитан! – ответил Михаил, и шагнул через порог здания института.

Узнав у дежурного, в каком кабинете можно пообщаться по поводу приема на учебу, друзья незамедлительно проследовали туда. Отворив дверь, ребята прошли к столу, за ко-

торым сидел подполковник с пышными усами и седой шевелюрой на голове:

– Вы ко мне? – поинтересовался он.

– Товарищ подполковник! Я бы хотел стать студентом вашего института, – отрапортовал Михаил.

– Молодец! Излагаешь ясно, воевал?

– Так точно, воевал.

– Раненья имеешь?

– Так точно имею, но думаю, на службе и учебе, никак не отразится.

– Войну в Берлине закончил?

– Никак нет, в Запорожской области вблизи города Славянка.

– В данный момент, работаешь?

– Так точно, в военном комиссариате в городе Калуга.

– Ты не москвич?

– Нет, я из Калуги.

– Жить где думаешь во время обучения, в общежитие института?

– А жить он будет у меня, на второй Мещанской улице, – вклинился в разговор Петр.

– У Вас. А вы тоже к нам хотите поступать?

– Нет.

– Жаль, очень жаль, я обратил внимание, что вы Герой Советского Союза, и, признаюсь вам честно, нам было бы приятно наблюдать вас среди наших студентов!

– Спасибо вам, товарищ подполковник, но я уже имею высшее образование. Но если вы бы приняли лейтенанта, то не пожалели бы ни на минуту.

– Если за лейтенанта просит «Герой Советского Союза», то значит и правда лейтенант стоящий. И на груди лейтенанта я наблюдаю достойные награды: орден «Красной Звезды» и медаль «За Боевые Заслуги». Значит вы, сынки, не ошиблись дверью, – добро пожаловать! Я выпишу вам направление на медицинскую комиссию, если они допустят до учебы – то я жду вас, товарищ лейтенант, со всеми документами, скажем через месяц, думаю, времени предостаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.